

ГЛУБИНЫ ТАЛАНТА

— МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ —

...У него удивительно светлые, внимательные, добрые глаза. И все лицо его, весь он словно пронизан этой добротой, тем самым неотразимым, «грибовским» обаянием, которое никоим образом не оставляет равнодушным и свисало ему давнюю и верную народную любовь. А в театре мне рассказали: однажды он, исполнитель воистину иезуитской роли Фомы Опискина в «Селе Степанчиково» Достоевского, получил из зала записку: «Гляжу на вас, и мне удавить вас хочется».

Часто спорят: узнаваем ли Грибов на сцене, экране? Как видим, бывает и совершенно неузнаваем, даже для близких. В самом деле, какое уж тут обаяние, если «удавить хочется»! Такова сила таланта Грибова. О нем нельзя даже сказать, что он играет роль или перевоплощается в образе, — нет, он полностью растворяется в нем, становится другим человеком, столь же реальным, как он сам, и это рождает абсолютную подлинность происходящего на сцене.

В сплошной стене занятости хозяин дома с трудом нашел два окошка для наших встреч. Беседы с ним текли импровизированно. Часто он не ожидал вопросов, а неторопливо размышлял:

— Жизнь... Хочется обнять весь земной шар. А время? Сорока восьми часов в сутках было бы мало. Мне семьдесят один, а надо ничего не упустить, больше пожить в современной жизни, когда так стремительно развивается человек, его мысль. Кажется, не поспеваешь ни за чем. Театр, студия, общественные дела, газеты, книги, выставки. Бежишь, бежишь...

— Как я работаю над ролью? Тут ведь мало рассказать, надо еще и показать. Но из всех служителей муз мы, актеры театров, — самые несчастливые. Если я люблю Левитана, Айзавовского, Саврасова, то могу пойти в галерею, музей и смотреть их шедевры, когда хочу. Как и читать Пушкина, Чехова. А скажите, кто не желал бы увидеть сейчас, например, Мочалова в роли Гамлета? Или работы Щепкина, Стрепетовой? Теперь, правда, есть кино. Но не так часто попадают на экран даже выдающиеся работы артистов театра...

— Опережу традиционный вопрос — об увлечениях. Ну тут я, наверное, скучный, неинтересный человек. У меня одна страсть, одно увлечение — театр. Каждую свободную минуту стараюсь отдать природе, но по внешним временам и тут я, кажется, не оригинален... Занимаюсь короткими любительскими фильмами. Да, да, актер, не раз снимавшийся в кино, и... кинолюбитель. Смешно? Но очень хочется сделать что-нибудь теплое, сюжетное, свое. Пока не получается...

— Еще о работе. Люблю озвучивать мультфильмы. Знаете, это чрезвычайно интересно — сочинить характер,

судьбу какого-нибудь ежика... Радуюсь удачам других. Замечательный получился волк у Папанова, чудесный у Леонова Винни-Пух...

Он сказал это просто так, по какому-то поводу, но мне запомнились его слова: сочинить характер, судьбу. В них — весь актер Грибов, вся его творческая позиция.

Выучиться в старое время Грибову не пришлось: отца, шофера, взяли на империалистическую войну, платить за учебу стало некому. Подростком Алексей Николаевич ушел работать на шелкоткацкую фабрику.

Революция, едва победив, открыла перед молодежью все шлагбаумы, все двери жизни. Учиться! Грибов поступил в вечернюю школу-клуб (были и такие: днем работаешь, вечером учишься, а еще развивай свой талант в каком хочешь кружке). От «перегрузок» спасала молодость. Сидели в неотапленном помещении, в пальто и шапках, продрогшие, голые... Своим «крестным от-

Да, чтобы понять все дарование актера, его надо видеть в театре, в фильмах-спектаклях. Поразительны по многообразию образы классической и современной драматургии, созданные Грибовым во МХАТ. Вот их далеко не полный ряд, говорящий сам за себя: гоолевские Собакевич и Осип; Шамага и Хлынов в драмах Островского; Фома Опискин Достоевского; чеховский Чебутыкин; рабочий Левшин, странник-утешитель Лука и фабрикант Достигаев в пьесах Горького; крестьянин Фрол Баев в «Земле» Вирты; Глоба в «Русских людях» Симонова; Непряхин в «Золотой карете» Леонова... Остается дописать, что Грибов — первый во МХАТ исполнитель роли Ленина в «Кремлевских куравах» и вообще один из первых советских актеров, воплощавших на сцене образ вождя.

В театре Алексею Николаевичу выпала почетная, но трудная, ответственная судьба — заменять в ролях выда-

тем на репетициях пьесы «Таланты и поклонники» он не удержался от восклицания по адресу Грибова в роли антрепренера: «Смотрите, как надо играть Островского!» Хотя на другой день опять был сердит: «Куда, куда делось то, что вы показывали вчера?» Маленькие, обычные эпизоды... Но похвала вселяла веру, желание работать, работать...

Станиславскому Грибов остался верен всю жизнь.

— Система Станиславского была и будет действенной и вечной, ибо она построена на жизни духа человеческого, жизни человека. Всякое псевдонаторство, формализм не дадут плодов, они обречены, так как находятся в объективном противоречии с правдой жизни, с человеческим в человеке. И тут уж ничего не поделаешь.

— Наш творческий метод — социалистический реализм. Родился, утверждается человек нового мира. Показать его во всех измерениях — наша благородная и благодарная задача. Истинное искусство всегда тенденциозно, партийно. Если я художник, я должен звать, с какой целью каждый вечер выхожу на сцену — что созидать, что разрушать оружием моего искусства?

— Люблю все свои роли, в том числе эпизодические. Никогда не заболелся о том, чтобы на сцене «звучал» я, а не весь театр. Непременно ансамбль, когда каждый знает всю «партию», знает, на каком «инструменте» играет, и когда он соло, а когда лишь аккомпанемент... Герцен сказал о Щепкине: он «не театрален на театре». Вот высшая формула мастерства!

Алексей Николаевич встал, прошелся по комнате.

— Очень боялся роли Опискина. Боялся... своего обаяния, раз уж о нем говорят. Где было «накопить» такую концентрацию мерзостей? Помоги, конечно, прежде всего сам Достоевский, помог и Идушка Головулев, и Гобсек Булшты человек — остергейся Фомы и сам никогда не делай такой подлости, несмотря на вежливость — вот что я хотел сказать в этой роли. Не да Опискин... Средоточие гадостей, клоп, торжествующий паразитическом своем верховенстве, да еще и «изобличитель» мерзостей...

И тут произошло то самое чудо искусства. Грибов преобразился, сузил ключе-масляные глаза и сладостно-ядовитым голосом произнес слова Опискина: «А я на то и ниспослан богом, чтобы избличать мир во всех его пакоствах...»

И содрогнулся от омерзения к своему герою.

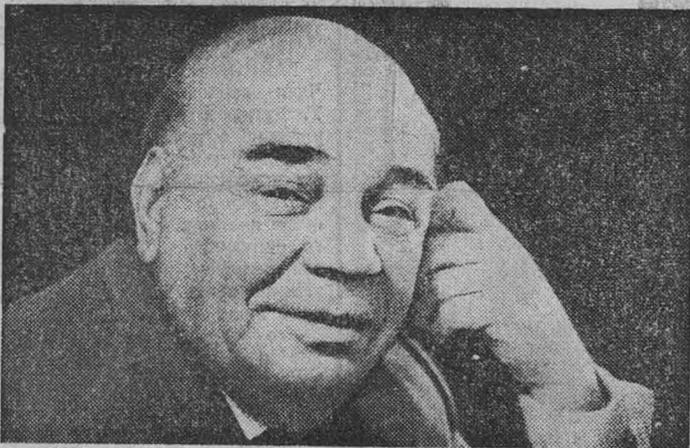
Да, надо очень ненавидеть зло, чтобы так избличать его.

А Алексей Николаевич уже улыбнулся обычной улыбкой.

— Ну, кажется, пора... У меня есть еще срочная работа...

Было около полуночи.

А. МУРЗИН.

цом» — в поприще театра Грибов и поныне считает учителя литературы В. Барановского. Это он вовлек его в драмкружок, на его уроке будущий актер прочел свою первую роль — Любима Торцова. Так начался путь. Он привел паренка в 3-ю студию МХАТ...

Накануне нашей встречи был вечер Грибова-киноактера. Наверное, нет таких высоких слов и эпитетов, которые не были бы справедливы в оценке этого крупнейшего художника. И все или почти все они были сказаны о нем в тот вечер. Грибов терпеливо слушал эти слова, кстати, совершенно невозможные, суетные в его присутствии дома или в театре, в любом другом месте, но неизбежные в минуты торжества. А потом, когда были показаны сцены из всем известных фильмов, он выступил и сказал, что сам себе за работу в кино ставит всего лишь... четверку. Зал протестовал. Но артист был серьезен:

— Я драматический актер, ученик Станиславского, его системы и жизнь свою отдал театру. А это совсем иное, чем киноискусство. Кино я люблю, но многого в нем не успел.

кошких актеров первого поколения МХАТ: Москвина (Хлынов и Лука), Тарханова (Собакевич). Классики сцены! Привычка к ним зрителей, опасность скопировать их... Опасность реальная, ибо у Грибова огромная зрительная, слуховая память. Он шел своим путем, предельно расширяя границы поиска, нередко проникал глубже, дальше — и многие созданные им образы тоже становились классикой театра.

...Было в его даровании что-то изначально важное, если еще в студии талант Грибова заметил Немирович-Данченко и перевел его в школу МХАТ.

Грибов вспоминает: студенты учились яростно, играли в массовках. Глядя на них, бледных, уставших, Станиславский иногда говорил буфетчику Прокофию: «А покорми-ка их, братец, нынче кашей». И вновь учеба. И репетиция, и гениальные актерские показы Станиславского и Немировича-Данченко — эти незабываемые уроки мастерства. Два эпизода на всю жизнь запомнил Грибов: однажды Станиславский отметил органичность исполнения им роли мужика и всей сцены с его участием в спектакле «Бронепоезд 14-69». За-